

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

1959 · 50 · 2009

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ЯКОВЕНКО ПРОТИВ УКРАИНЫ

(Заявление № 15825/06)

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

25 октября 2007

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

25/01/2008

Это решение станет окончательным при обстоятельствах, изложенных в статье 44 § 2 Конвенции. Оно может быть отредактировано.

В деле Яковенко против Украины,

Европейский суд по правам человека (Пятая секция), заседая Палатой в составе:

P. Lorenzen, *председатель*,
S. Botoucharova,
K. Jungwiert,
V. Butkevych,
M. Tsatsa-Nikolovska,
R. Maruste,
R. Jaeger, *судьи*,
и C. Westerdiek, *секретарь секции*,

После обсуждения за закрытыми дверями 2 октября 2007 года,

Провозглашает следующее решение, которое было принято в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было открыто по заявлению (№ 15825/06) против Украины, поданному в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенции») украинским гражданином Олегом Николаевичем Яковенко (далее – «заявитель») 26 апреля 2006 года.

2. Заявителя представлял Иван Ткач – адвокат, практикующий в Севастополе. Украинское правительство (далее – «Правительство») представлял его уполномоченный Юрий Зайцев.

3. 28 апреля 2006 года Председатель Палаты в соответствии с правилом 39 Регламента Суда решил указать Правительству, что в интересах сторон и надлежащего рассмотрения дела Судом желательно обеспечить немедленный перевод заявителя в больницу или иное медицинское учреждение, где он может получить помощь, соответствующую состоянию его здоровья.

4. 12 сентября 2006 года Суд решил уведомить Правительство о полученном заявлении. В соответствии с положениями статьи 29 § 3 Конвенции Суд также решил рассмотреть приемлемость заявления одновременно с рассмотрением по существу.

5. Заявитель умер 8 мая 2007 года. 21 мая 2007 года его мать, Надежда Николаевна Савченко, выразила желание продолжить рассмотрение дела в Суде от имени заявителя.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель родился в 1975 году и проживал в Севастополе.

A. Уголовное преследование против заявителя

7. В июне 2003 года заявитель, во время испытательного срока после осуждения за кражу со взломом, был задержан по подозрению в другом факте кражи. Дата его ареста является предметом спора сторон. Заявитель утверждал, что это произошло 17 июня 2003 года, в то время как Правительство настаивает на дате 18 июня 2003 года.

8. 18 июня 2003 года заявитель был допрошен милицией. В ходе допроса он признал, что участвовал в ограблении дома, принадлежащего сестре его предполагаемого соучастника Ж.

20 июня 2003 года Балаклавский районный суд Севастополя (далее – «районный суд») продлил срок содержания заявителя под стражей до 10 суток.

9. 9 июня 2003 года районный суд постановил поместить заявителя в следственный изолятор на основании того, что правонарушение, в совершении которого он подозревался, было им совершено во время испытательного срока, связанного с условным приговором, и, находясь на свободе, заявитель может скрыться и, таким образом, воспрепятствовать правосудию.

10. В неуказанный день, в августе-сентябре 2003 года заявитель предстал перед районным судом. В судебном заседании он был представлен своей матерью С. И. и отказался от своих признательных показаний, данных во время нахождения в изоляторе, утверждая, что они были даны под давлением.

11. Во время слушания 11 сентября 2003 года заявитель сообщил суду, что он плохо себя чувствует и поэтому не может участвовать в заседании. Председательствующий судья вызвал скорую помощь для оценки состояния здоровья заявителя.

12. 29 апреля 2004 года районный суд признал заявителя виновным. Он отклонил возражения заявителя о том, что его признательные показания были даны под давлением, и посчитал, что справка, выданная Севастопольской районной больницей, согласно которой заявитель проходил лечение в данной больнице 21 июня 2003 года по поводу повреждений на ногах, не может считаться убедительным свидетельством грубости работников милиции, поскольку сам заявитель не смог объяснить в суде обстоятельства появления этих повреждений.

13. 22 марта 2005 года, рассмотрев апелляцию заявителя, Апелляционный суд Севастополя (далее «апелляционный суд»), отменил решение от 29 апреля 2004 года и вернул дело на досудебное следствие. Суд указал, *inter alia*, что именно судом первой инстанции был поднят вопрос о предполагаемом жестоком обращении с заявителем в следственном изоляторе, хотя он не жаловался суду на жестокое обращение со стороны работников милиции. Без каких-либо мотивов апелляционный суд также постановил, что заявитель должен содержаться под стражей.

14. 23 ноября 2005 года районный суд приговорил заявителя за кражу к трем годам и семи месяцам заключения. Суд обосновывал свой приговор на показаниях заявителя и Ж.. в ходе досудебного расследования дела, устного свидетельства потерпевшего в суде и показаний двух других свидетелей в ходе досудебного следствия. Суд отклонил жалобу заявителя о жестоком обращении с ним со стороны милиции.

15. Заявитель подал апелляцию на приговор от 23 ноября 2005 года с просьбой о смягчении приговора. 17 октября 2006 года Апелляционный суд удовлетворил апелляцию заявителя и сократил срок заключения до трех лет, шести месяцев и одного дня. Заявителем кассационная жалоба не подавалась.

Б. Жалобы на жестокое обращение

16. По утверждению заявителя, после его ареста 17 июня 2003 года, он был доставлен в Балаклавский районный отдел милиции Севастополя (далее – «отдел милиции»). Здесь он якобы подвергся жестокому обращению со стороны сотрудников милиции, которые принудили его сознаться в совершении кражи, за которую он, впоследствии был осужден.

17. 21 июня 2003 года заявитель был отправлен в Севастопольскую городскую больницу № 1. В соответствии со справкой, выданной этой больницей, заявитель имел повреждения на левом бедре и ягодицах.

18. После оказания необходимой медицинской помощи в Севастопольской городской больнице № 1, заявитель был направлен в Севастопольский городской изолятор временного содержания (далее – «Севастопольский ИВС»).

19. Согласно записи в регистрационном журнале Севастопольского ИВС, заявитель не имел видимых повреждений при прибытии и не жаловался на жестокое обращение.

20. Во время рассмотрения дела в районном суде в марте-ноябре 2005, суд поручил прокуратуре Балаклавского района Севастополя (далее – «прокуратура») провести уголовное расследование жалоб заявителя на жестокое обращение. В ноябре 2005 года прокуратура

вынесла решение об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия события жестокого обращения.

В. Условия предварительного заключения

21. Как указано выше (см. параграф 18), 21 июня 2003 года заявитель был переведен из отделения милиции в Севастопольский ИВС. 16 июля 2003 года он поступил в Симферопольский следственный изолятор № 15 (далее «Симферопольский СИЗО»).

Поскольку органы милиции, прокуратуры и суда, имеющие отношение к этому уголовному делу, располагались в Севастополе, то ежемесячно заявитель переводился из Симферопольского СИЗО в Севастопольский ИВС, в котором находился в течение десяти дней. С 8 до 28 апреля 2006 года заявитель находился в Севастопольском ИВС, так как, согласно письму заместителя начальника Управления МВД Украины в Севастополе от 4 марта 2006 года, Симферопольский СИЗО отказался принимать из Севастопольского ИВС заключенных, страдающих туберкулезом.

22. 28 апреля 2006 года заявитель поступил в Севастопольскую городскую инфекционную больницу (далее «инфекционная больница»).

23. Таким образом, в период между 21 июня 2003 года и 28 апреля 2006 года заявитель провел в общей сложности около года в Севастопольском ИВС.

1. Материальные условия

а. Факты, представленные заявителем

24. Согласно жалобе заявителя, во время его нахождения в Севастопольском ИВС он содержался в маленьких камерах, которые были постоянно переполнены. В подтверждение этому он предоставил письмо от начальника Управления МВД Украины в Севастополе, написанное 10 мая 2005 года и адресованное третьему лицу.

В этом письме говорилось о том, что около 240 заключенных содержались в Севастопольском ИВС при его вместимости 82 человека.

25. Заявитель утверждал, что большую часть времени он содержался в камере № 9, и в течение короткого времени – в камерах № 4 и 5.

26. Площадь камеры № 9 – около 15 м², в ней находились 25 заключенных. В этой камере было три двойных койки. В камерах № 4 и 5, обе – около 22 м², заявитель находился вместе с примерно 30 сокамерниками. Камеры были оборудованы одной двойной койкой и

деревянным настилом на полу, который тоже использовался заключенными для сна.

27. Из-за недостатка коек заключенные были вынуждены спать по очереди. Камеры располагались в подвале и, соответственно, были лишены дневного освещения. Они скудно освещались электрической лампочкой под потолком, которая никогда не выключалась, усугубляя недостаток сна. Кроме того, воздух в эти переполненные камеры мог поступать только через вентиляционную систему, которая часто была неисправна.

28. В камере заявителя во множестве водились тараканы и муравьи, и администрация не предпринимала никаких мер для их уничтожения. Заключенные в камерах Севастопольского ИВС подвергались, таким образом, опасности инфекционных болезней, таких как туберкулез, которым заявитель и заболел во время своего пребывания в нем.

29. Далее, заявитель утверждал, что питание в Севастопольском ИВС было скудным, плохого качества, и дополнялось продуктами, присылаемыми его матерью.

б. Факты, представленные Правительством

30. Правительство заявило, что в Севастопольском ИВС заявитель занимал камеры площадью 16 м² с 4-6 совместно с другими заключенными. Правительство утверждало, что камеры были оборудованы деревянной обшивкой, вентиляцией, а также системами водоснабжения и канализации. Заявитель снабжался горячей пищей три раза в день и имел возможность помыться как минимум один раз в неделю. В камерах были окна, пропускающие внутрь дневной свет. В общем, условия содержания заключенного, соответствовали гигиеническим и санитарным нормам.

2. Условия транспортировки

31. Как было указано выше, заявитель перевозился в Севастопольский ИВС и обратно ежемесячно.

32. Расстояние между Севастополем и Симферополем составляет около 80 километров. Транспортировка (этап) начиналась в 8 часов утра и, согласно информации Правительства, заканчивалась в 16 часов того же дня. Заявитель утверждал, что обычно он прибывал в пункт назначения через 36-48 часов. Заявителя заранее предупреждали о поездке и, по информации Правительства, его кормили перед ее началом. Заявитель утверждал, что ему ни разу не дали завтрак перед этапом.

33. Заявитель и другие заключенные перевозились в милицейских машинах до железнодорожных станций и обратно. Эти поездки обычно длились 30 минут. Правительство указало, что вместимость машин, рассчитанных на 20-21 человек, никогда не превышалась.

Заявитель возражал и утверждал, что обычно в машинах перевозились около 30 человек – в тесном и плохо освещенном отсеке площадью 6 м².

34. В поезде заявитель помещался в вагоны специального типа вместимостью 104 человека. По информации Правительства, количество заключенных в вагоне никогда не превышала 70, а по информации заявителя – всегда было более 100. Заявитель утверждал, что во время этой части поездки ему не давали воды и пищи.

3. Медицинские условия

35. Здоровье заявителя начало ухудшаться в середине 2005 года. Однако, в штате Севастопольского ИВС не имелось врача, а человек, исполнявший обязанности фельдшера, не имел медицинского образования и квалификации, что подтверждается вышеупомянутым письмом начальника городского управления милиции Севастополя от 10 мая 2005 года. В результате заявитель не получал никакой медицинской помощи в Севастопольском ИВС.

36. Согласно письму начальника Симферопольского СИЗО от 25 апреля 2006 года, 14-27 февраля 2006 года заявитель проходил лечение от бронхита в медицинском отделении Симферопольского СИЗО. Два рентгеновских обследования, проведенные 1 и 10 февраля 2006 года, не выявили никаких патологических изменений в его сердце и легких. Далее в этом письме говорится о том, что 14 февраля 2006 года кровь заявителя была исследована на антитела ВИЧ. 21 февраля 2006 года Крымский центр по борьбе со СПИДом определил ВИЧ-позитивность заявителя. Заявитель утверждал, что ни он, ни его мать не были поставлены в известность об этом диагнозе.

37. 8 апреля 2006 года, во время пребывания заявителя в Севастопольском ИВС, к нему была вызвана скорая помощь. Врач определил, что заявитель страдал «лихорадкой неизвестного происхождения» и назначил ему дозу анальгетика, имевшего краткосрочный эффект. По словам заявителя, врач скорой помощи разъяснил, что заявителю требуется обследование в специализированной больнице.

38. 12 апреля 2006 года заявитель стал жаловаться на дальнейшее ухудшение самочувствия. Была вызвана скорая помощь, врач которой установил, что заявитель болен острой респираторной вирусной инфекцией».

39. 14 апреля 2006 года заявитель был доставлен в инфекционную больницу. По его утверждению, во время обследования ему был поставлен диагноз «туберкулез лимфатических узлов» и была рекомендована госпитализация. Администрация Севастопольского ИВС отказала ему в госпитализации, поскольку она не могла выделить четырех сотрудников для охраны заявителя в больнице. Правительство

заявило, что врачи не считали необходимой госпитализацию заявителя, но взяли кровь для анализа на ВИЧ и прописали ему витамины.

40. 20 апреля 2006 года заявитель был отправлен в инфекционную больницу для дальнейшего обследования. У него был выявлен туберкулез и назначено соответствующее лечение. Правительство утверждает, что и в этом случае врачи не рекомендовали госпитализацию. По заявлению Правительства, во время этого обследования было впервые установлено, что заявитель был ВИЧ-позитивен. Заявитель утверждал, что это был первый раз, когда ему сообщили об этом состоянии, в то время как администрация тюрьмы знала об этом задолго до этого дня.

41. В письме от 21 апреля 2006 года главный врач инфекционной больницы сообщил матери заявителя, что комиссия врачей этой больницы установила, что заявитель ВИЧ-позитивен и болен туберкулезом, и порекомендовала срочно его госпитализировать.

42. В тот же день мать заявителя обратилась с жалобой в Генеральную прокуратуру на то, что администрация Севастопольского ИВС незаконно отказала в госпитализации ее сына, состояние здоровья которого было крайне тяжелым. В частности, она указала, что с начала апреля 2006 года температура тела заявителя оставалась в районе 40 градусов, и что он мог есть с трудом и не мог передвигаться без посторонней помощи.

43. 28 апреля 2006 года по запросу Суда в соответствии с правилом 39 Правил Суда заявитель был переведен в Севастопольский противотуберкулезный диспансер.

44. Согласно письму главного врача инфекционной больницы от 28 августа 2006 года, заявитель был зарегистрирован в Севастопольском центре по борьбе со СПИДом, как ВИЧ-пациент в мае 2006 года и получал необходимое лечение.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

45. Соответствующие положения Конституции Украины и Закон о предварительном заключении могут быть найдены в решении от 12 октября 2006 года по делу *Двойных против Украины (Dvoynukh v. Ukraine)*, № 72277/01, §§ 28-31, 33-35 и 37).

А. Уголовно-процессуальный кодекс

46. Статья 236-1 Кодекса предусматривает:

«Жалоба на постановление органа дознания, следователя, прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела подается лицом, интересов которого она

касается, или его представителем в районный (городской) по месту расположения органа или месту работы должностного лица...»

47. Статья 236-2 Кодекса:

«Жалоба на постановление прокурора, следователя, органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела рассматривается судьей единолично не позднее десяти дней со дня ее поступления в суд.

Судья истребует материалы, на основании которых было отказано в возбуждении дела, знакомится с ними и уведомляет прокурора и лицо, подавшее жалобу, о времени ее рассмотрения. В случае необходимости судья заслушивает пояснения лица, подавшего жалобу.

Рассмотрев жалобу, судья, в зависимости от того, были при отказе в возбуждении дела выполнены требования статьи 99 настоящего Кодекса, принимает одно из следующих решений:

1) отменяет постановление об отказе в возбуждении дела и возвращает материалы для проведения дополнительной проверки,

1) оставляет жалобу без удовлетворения...»

В. Закон о борьбе с туберкулезом от 5 июля 2001 года

48. Раздел 17 Закона предусматривает, что больные туберкулезом, содержащиеся в СИЗО, получают необходимое лечение в медицинских отделениях этих изоляторов. Заключенные, находящиеся в пенитенциарных учреждениях, должны лечиться в специальных тюремных больницах.

С. Приказ № 186/607 Министерства здравоохранения и Государственного департамента исполнения наказаний от 15 ноября 2005 года «Об анти-ретровирусном лечении лиц с ВИЧ/СПИД, содержащихся в СИЗО».

49. Пункт 2.1 этого приказа предусматривает, что заключенные с ВИЧ/СПИД должны находиться под обязательным амбулаторным наблюдением, получать лечение от сопутствующих инфекций (инфекций, поражающих людей со слабой иммунной системой) и антиретровирусное лечение.

50. В соответствии с пунктами 3.1 и 3.2.1 приказа, антиретровирусное лечение должно назначаться тюремным врачом-инфекционистом, прошедшего специальное обучение или врачами из местных медицинских учреждений по борьбе со СПИДом. Антиретровирусное наблюдение заключенных, содержащихся в следственных изоляторах, производится местными учреждениями по борьбе со СПИДом.

51. Пункт 3.5 приказа предусматривает, что непосредственно после поступления лица ВИЧ/СПИД в следственный изолятор глава медицинского отделения этого учреждения должен обеспечить его или ее анти-ретровирусными препаратами из местного медицинского учреждения по борьбе со СПИДом.

52. В соответствии с пунктом 3.6 приказа, при переводе лица ВИЧ/СПИД из одного пенитенциарного учреждения в другое необходимо обеспечить, чтобы соответствующие медицинские документы были переданы вместе с заключенным в новое учреждение.

D. Отчет расширенного заседания Генеральной прокуратуры о соблюдении конституционных прав граждан в местах применения мер принудительного характера, связанных с ограничением их личной свободы, предварительного заключения и лишения свободы от 23 июня 2006 года

53. В данном отчете говорится:

«Следует признать, что органами внутренних дел не выполняются требования Европейского комитета против пыток, высказанные в ходе последнего визита делегации Комитета в октябре минувшего года, в отношении немедленного прекращения незаконного и долгосрочного содержания задержанных и арестованных лиц в учреждениях органов внутренних дел...

В большинстве ИВС горрайорганов внутренних дел не соблюдаются права задержанных... Должным образом не выполняются требования Закона Украины «О борьбе с туберкулезом» в части обеспечения задержанным и арестованным лицам, больным туберкулезом, специализированного лечения под охраной в территориальных противотуберкулезных медицинских заведениях. Большое число лиц, страдающих туберкулезом, без должного медицинского лечения долгое время содержится в ИВС органов внутренних дел. В общем прошлый год из 2434 лиц, больных туберкулезом, которые содержались в ИВС органов внутренних дел, лишь 719 были помещены и прошли лечение в специализированных заведениях Министерства здравоохранения Украины. Это не только нарушает права задержанных, но также способствует распространению этого опасного заболевания.

Условия, в которых находятся задержанные и арестованные лица в ИВС АР Крым... могут быть приравнены к бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Задержанные помещаются в непригодные для содержания полуподвальных или подвальных помещениях, в которых не создано элементарных условий для длительного пребывания человека.

Работниками милиции систематически нарушаются требования закона о максимальном десятидневном сроке нахождения задержанных, арестованных и осужденных в ИВС. В Севастопольском ИВС в нарушение закона в течение текущего года свыше 10 суток находилось 85 лиц, свыше 3 месяцев – 11, свыше 1 года – 5, в отношении 17 из них судами постановлены обвинительные приговоры».

Е. Третий (2003) ежегодный отчет Уполномоченного по правам человека Верховной Рады Украины

54. Выдержка из отчета:

«Статьей 4 Закона Украины «О предварительном задержании» и статьей 155 Уголовно-процессуального кодекса Украины определено, что местами досудебного содержания под стражей лиц являются следственные изоляторы. И лишь в отдельных случаях эти лица могут находиться в местах содержания задержанных и арестованных, какими являются изоляторы временного содержания МВД Украины. При этом законодательством четко определены сроки содержания в ИВС заключенных под стражу лиц не более трех суток, в случаях отдаленности или отсутствия надлежащих путей сообщения – до десяти суток. В нарушение требований указанных законов, начальники следственных изоляторов ряда регионов Украины их грубо игнорируют, необоснованно отказывая администрации ИВС в приеме арестованных. Такое отношение руководителей СИЗО к выполнению требований законов Украины привело к бесчеловечным, ужасным и нестерпимым условиям содержания заключенных в ИВС и их переполнения почти вдвое в Автономной Республике Крым... и Севастополе. В частности, в АР Крым прием заключенных в СИЗО Симферополя проводится в обмен на одного выданного в ИВС».

Е. Права человека в Украине-2005. Отчет правозащитных организаций

55. Выдержки из раздела XV отчета «Соблюдение прав заключенных в Украине»:

«...В ведении Министерства внутренних дел находится 501 изолятор временного содержания (ИВС), где задержанные могут содержаться максимум в течение 3 суток (10 суток в исключительных случаях) до перевода в следственный изолятор (СИЗО). Однако, бывают случаи, когда этот срок превышает. Ежедневно в ИВС Украины содержится около 7 000 задержанных, в вообще они рассчитаны на 10 400 мест. По данным министерства внутренних дел, 127 ИВС нуждаются в ремонте.

Наибольшее количество случаев жестокого обращения во время заключения в стране выпадает именно на время пребывания задержанных в органах милиции. Кроме того, сами условия содержания в них бывают слишком суровыми. Вони связаны в значительной степени с плохим финансированием, однако в последнее время на содержание лиц, которые содержатся в ИВС, средства выделяются. «Донецкий мемориал» направил информационные запросы в десять областных управлений МВД с вопросом об обеспечении условий содержания заключенных в ИВС. Результаты ответов приведены в таблице 1 «Условия пребывания заключенных в изоляторах временного содержания»

В соответствии с данными управлений, на каждое лицо во время его пребывания в ИВС выделялось в 2004-2005 годах от 16 до 70 грн...

...Одной из проблем пребывания в милиции является невозможность направить в СИЗО задержанных лиц, больных туберкулезом. Как указывается в

упомянутом Докладе Мониторингового комитета Совета Европы, на основании ряда нормативно-правовых актов Государственного департамента по вопросам исполнения наказаний лица, которые болеют инфекционными заболеваниями (включая туберкулез), не могут быть переведены в СИЗО из ИВС, которые находятся в ведении Министерства внутренних дел. По некоторым данным, в 2004 году в СИЗО не были приняты 739 арестованных. Таким образом, больные туберкулезом содержались в ИВС, не приспособленных для пребывания в них таких людей, в течение срока, который превышает установленный законом срок ареста (3 или 10 дней). Это не только нарушает права арестованных, но и содействует дальнейшему распространению заболеваний в ИВС. По данным Министерства внутренних дел, около 100 человек ежедневно содержится в ИВС после окончания установленного законом срока, включая 100 человек, больных туберкулезом. Ситуация не улучшилась даже после издания распоряжения (№ 419-р от 5.07.2004) Кабинета Министров, в соответствии с которым Государственный департамент по вопросам исполнения наказаний получил поручение обеспечить немедленный прием арестованных, которые больны туберкулезом. В соответствии с комментариями органов власти Украины, эту проблему планируется решить путем передачи лечения арестованных в ведение специальных учреждений Министерства здравоохранения, охрану которых будут обеспечивать подразделения МВД. Это требует внесения изменений в соответствующее законодательство...

...Одним из направлений деятельности Уполномоченного [Верховной Рады Украины по правам человека] является контроль над условиями содержания граждан, задержанных милицией.

Проверкой Уполномоченного по правам человека в июне 2005 года в изоляторе временного содержания (ИВС) г. Феодосии было установлено, что камеры до настоящего времени остаются без окон. Во многих ИВС камеры – это полуподвальные, полутемные бетонные мешки, без свежего воздуха, питьевой воды, санузлов, что является риском для здоровья человека и напоминает эпоху средневековья. К тому же они постоянно в полтора-два раза переполнены, и дышать там можно только благодаря принудительной вентиляции.

Уполномоченным по правам человека выявлено, что нарушаются права граждан на трехчасовое задержание в комнатах для содержания лиц, в половине из 808 райотделов милиции задержанных так и не кормят, невзирая на несколько представлений Уполномоченного, по которым народные депутаты и правительство выделили средства. Такие условия являются пытками, но ввиду продолжающихся массовых арестов и задержаний их размещают в комнатах для задержанных. Через ИВС проходит ежегодно более миллиона человек».

III. ПРИМЕНИМЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОКЛАДЫ

А. Европейский Комитет по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижительного обращения или наказания (КПП)

1. Условия заключения в ИВС

56. Визит делегации КПП в Украину состоялся 10-26 сентября 2000 от 23 июня 2006 года. В ходе визита делегация проинспектировала шесть изоляторов временного содержания (подведомственные милиции учреждения, предназначенные для кратковременного пребывания задержанных подозреваемых), включая Севастопольский ИВС.

57. В соответствующих разделах отчета КПП указывается:

«50. Большинство посещенных ИВС были переполнены. Например, в Севастопольском ИВС более десяти лиц содержалось камерах по 15 м² и в нескольких камерах было больше человек, чем коек.

51. Во всех посещенных ИВС доступ к дневному свету был загорожен плотной металлической сеткой или жалюзи, а искусственное освещение было, в общем, недостаточным. Чтение вызывало напряжение в глазах. Вентиляция была неприемлемой, в воздух в посещенных камерах – тяжелым. Недостаточность вентиляции усиливалась тем, что камеры показались вонючими, задержанные не обеспечивались средствами для уборки камер, не имели возможности помыться, кроме бассейна с холодной водой. Только в ИВС г. Литина все задержанные имели возможность помыться под душем во время своего пребывания. Санитарные помещения почти во всех посещенных ИВС оставляли желать лучшего. Значительным исключением был Симферопольский ИВС, где камеры были чистыми или задержанные обеспечивались основными предметами личной гигиены.

В нескольких ИВС не всем задержанным хватало матрасов и одеял, в то время как чистота имеющихся была сомнительной. Кроме того, за одним или двумя исключениями, посещенные ИВС не имели прогулочных дворики. Также не было какой-либо возможности для упражнений; во многих ИВС задержанным не позволялось иметь даже газеты.

52. В большинстве ИВС еда обеспечивалась только продуктовыми передачами от родственников. Задержанные делились едой с теми, кто не имел родственников. Учитывая то, что милиция финансово не способна обеспечить достаточную еду для задержанных, продуктовые посылки не должны ограничиваться.

53. Ввиду неприемлемых условий, на которые Комитет ссылался выше, Комитет был более всего обеспокоен, узнав, что значительное число задержанных содержались в ИВС в течение времени, значительно превышающего 10-дневный срок, предусмотренный законом.

...

55. Проблема здравоохранения является предметом беспокойства Комитета со времени его первого визита; во время визита в 2000 году никакого улучшения замечается. Для начала, делегация Комитета отметила в некоторых ИВС (Бахчисарай, Литне) совсем не было фельдшеров, чтобы обеспечить медицинское обслуживание. Кроме того, Комитет вынужден настаивать на важности для всех задержанных проходить тщательное медицинское освидетельствование при приеме в ИВС; это не является нормой до сего времени. Более того, фельдшер должен занимать активную позицию в отношении медицинских проблем в ИВС; недостаточная жилая площадь, на которой содержатся задержанные, и отсутствие общей гигиены создают благоприятные условия для распространения болезней, в частности, туберкулеза».

58. В Отчете украинскому правительству о визите в Украину 24 ноября-6 декабря 2002 года, КПП заявляет:

«11. Законные нормы, регулирующие лишение свободы милицией, уже описывались в предыдущих отчетах о визитах КПП. Милиция, следует напомнить, может, своей собственной властью, задержать лицо, подозреваемое в совершении уголовного преступления, на 72 часа.

Однако законом от 21 июля 2001 Уголовно-процессуальный кодекс был приведен в соответствие с Конституцией Украины. Теперь в течение этих 72 часов следственные органы должны, если они хотят оставить подозреваемого под стражей, доставить подозреваемого в суд (статьи 106 и 165-2 Уголовно-процессуального кодекса). Судья может постановить оставить подозреваемого под стражей на срок до 15 суток, а впоследствии продлить этот срок до 18 месяцев.

Лицо, оставленное под стражей, переводится, в принципе, в следственный изолятор (СИЗО). Однако подозреваемый может быть задержан в ИВС на максимальный срок до 10 дней, если перевод в СИЗО не может быть осуществлен из-за отдаленности или отсутствия соответствующих транспортных средств.

12. В своем ответе на отчет о визите 2001 года (документ СРТ/Inf (2002) 24), украинское правительство заявило, что, благодаря вмешательству судей, переполненность милицеских учреждений значительно уменьшилась. К сожалению, визит, имевший место в конце 2002 года, показал обратное. С единственным исключением (Киевский ИВС), все учреждения этого типа были переполнены. Доходило до того, что в некоторых регионах судьи оставляли под стражей всех подозреваемых по запросу следственных органов и прокуратуры.

КПП рекомендует украинским властям обеспечить осведомленность следственных органов и прокуратуры о новом законодательстве и призвать их к активному применению превентивных мер, не связанных с содержанием под стражей лиц, подозреваемых в совершении уголовных преступлений (см. также параграф 85 ниже).

13. Кроме того, в 2002 от 23 июня 2006 года, при изучении соответствующих записей, делегация КПП обнаружила случаи содержания задержанных в ИВС в

течение сроков, значительно превышающих дозволенные 10 дней (например, 48 дней в ИВС районного управления Министерства внутренних дел г. Хуст).»

2. Условия транспортировки задержанных

59. Соответствующие выдержки из доклада КПП о визите в Украину 8-24 февраля 1998 от 23 июня 2006 года предусматривают (выделение оригинала):

«189. Во время визита в Киевский СИЗО Службы безопасности Украины, делегация имела возможность осмотреть фургон для перевозки задержанных. Это транспортное средство имело 3 отделения со скамейками. Электрическое освещение было очень слабым, и вентиляция отсутствовала. Кроме того, одно из отделений было крайне малым (0,50 м²). По словам персонала, который отвечал за фургон, этот тип фургона используется только для коротких поездок внутри города. Однако делегация слышала утверждения задержанных, что такие фуруны иногда используются и для более длительных поездок.

Комитет хотел бы получить копии каких-либо инструкций, которые могут существовать в отношении характеристик транспортных средств, используемых для транспортировки заключенных. Кроме того, он рекомендует, чтобы украинские власти проверили освещение и вентиляцию в фургонах для перевозки заключенных и прекратили размещать заключенных в таких маленьких отделениях, как 0,50 м²».

60. Отчет 2000 года также содержит наблюдения КПП относительно условий, в которых задержанные переводились из одного места заключения в другое (выделение оригинала):

«129. В отношении автодорожной транспортировки заключенных, делегация проверила два фургона Министерства внутренних дел в Симферопольском СИЗО. Каждый фургон имел общий отделения и индивидуальное отделение. Индивидуальное отделение имело площадь 0,5 м²; в параграфе 189 доклада о его визите 1998 года Комитет уже рекомендовал, чтобы практика помещения заключенных в отделения такого размера прекратилась. Условия в фургоне были также похожи на те, которые были описаны в упомянутом параграфе доклада о визите 1998 года (слабое искусственное освещение, ненадлежащая вентиляция).

130. В отношении железнодорожной транспортировки, делегация проверила условия в одном из специальных вагонов для перевозки заключенных. Он имел отделения от 2 до 3,5 м² с откидными скамейками. Меньшие отделения предназначены для перевозки шести заключенных в течение не более четырех часов и четырех заключенных при более длительной перевозке. В больших отделениях в 3,5 м² могли размещаться шестнадцать человек при короткой перевозке и двенадцать для длительной. В отделениях был некоторый доступ к дневному освещению; однако вентиляция была плохая. Туалеты для заключенных находились в отвратительном состоянии, заполненные экскрементами, несмотря на то, что заключенные должны были отправиться через несколько минут.

Не было никакого оборудования для обеспечения заключенных едой, даже при транспортировке на дальние расстояния; питьевая вода для заключенных имела на время транспортировки только небольшом контейнере.

131. Способ транспортировки заключенных, особенно железной дорогой, неприемлем, учитывая, кроме всего прочего, материальные условия и возможную длительность путешествия.

Комитет рекомендует, чтобы условия транспортировки заключенных в Украине были пересмотрены в свете предыдущих замечаний. В качестве срочных мер, он рекомендует, чтобы украинские власти предприняли шаги, чтобы:

- значительно уменьшить максимальное число заключенных на отделение в железнодорожном вагоне: в отделениях в 3,5 м² никогда не должны перевозиться более шести человек, а в отделениях в 2 м² – более трех человек;

- обеспечить, чтобы в течение транспортировки заключенные обеспечивались питьевой водой и чтобы для длительных путешествий было установлено необходимое оборудование, чтобы их кормить;

- не использовать больше отделения в 0,5 м² в фургонах для транспортировки заключенных».

61. В своем Отчете украинскому правительству о визите в Украину 24 ноября-6 декабря 2002 года, КПП заявляет следующее:

«В своем докладе о визите 2000 года (параграф 131) Комитет сделал ряд рекомендаций в отношении транспортировки заключенных автомобильным и железнодорожным транспортом. Эти вопросы поднимались опять в 2002 году перед украинскими властями, которые утверждали, что была учреждена рабочая группа по передаче конвоирования заключенных от Министерства внутренних дел Департаменту по исполнению наказаний. В свете критических наблюдений, сделанных делегацией, которая посещала страну в 2002 году в отношении фургонов для транспортировки, Комитет рекомендует, чтобы украинские власти придали высокий приоритет решению проблемы условий, при которых заключенные транспортируются, учитывая рекомендации в параграфе 131 доклада Комитета по итогам визита в 2000 году».

В. Международная Амнистия («МА»)

62. Что касается ситуации в Севастопольском ИВС, МА заявила на брифинге Комитета ООН против пыток, посвященном Украине, состоявшемся 30 апреля 2007 года:

«По данным Всемирной организации здравоохранения, уровень заболеваемости туберкулезом в Украине составляет примерно 95 случаев на 100000 человек в год, что в восемь раз превышает уровень в Европе и Евразии. В стране со столь высоким уровнем заболеваемости туберкулезом, переполненность и плохие условия в следственных изоляторах привели к высокой частоте заболеваний среди заключенных. В январе 2006 года Севастопольская правозащитная группа доложила Международной Амнистии, что в Севастопольском ИВС было 30-40 заключенных, инфицированных

туберкулезом. Эти люди находятся в ИВС в течение всего срока предварительного заключения, что противоречит Уголовно-процессуальному кодексу, так как ближайший СИЗО в Симферополе не принимает заключенных с туберкулезом. В январе 2006 года 20 заключенных, больных туберкулезом, содержались в камере, предназначенной для шестерых человек. Их снабжали лекарствами, но, по имеющимся сведениям, они не получали необходимого специального питания и витаминов».

63. В отчете «Европа и Центральная Азия. Сводка Международной Амнистии о поводах для беспокойства в регионе. Январь-июнь 2004 года» МА пишет:

«На встрече с делегатами МА в июне, уполномоченный по правам человека Нина Карпачева заявила, что попытки по-прежнему широко распространены. Главными проблемами были отсутствие немедленного доступа к адвокату и условия в следственных изоляторах (СИЗО) и изоляторах временного содержания (ИВС). Проблема усугублялась очень большим числом арестов и неприменением альтернативных методов, таких как подписка о невыезде и поручительство. Нина Карпачева также сообщила, что условия в Севастопольском ИВС особенно плохи, что приводит к высокому уровню заболеваемости туберкулезом среди заключенных. Камеры переполнены, и заключенные вынуждены спать по очереди, питание недостаточно, и вплоть до января 2004 года, когда Нина Карпачева нашла место, пригодное для прогулочного двора, не было возможности для прогулок.

Европейский Комитет по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижающего обращения или наказания повторно выразил озабоченность распространением туберкулеза в тюрьмах и других местах заключения в Украине, и в своем отчете 2000 года высказал мнение, что не наблюдается никаких улучшений. Андрей Овсянников был арестован в июне 2003 года по подозрению в торговле наркотиками и содержался в Севастопольском ИВС. Он не был болен туберкулезом в то время, но в сентябре ему уже был поставлен этот диагноз. Ему Андрею ничего не сообщили, и он узнал о своей болезни случайно, в ноябре, когда его состояние ухудшилось. Он не получал никакого лечения до марта, когда, благодаря усилиям Севастопольской правозащитной группы, он был госпитализирован. 30 июня он вернулся в ИВС. Он находился в ИВС до июня 2003 года, в то время как национальное законодательство предусматривает, что задержанные могут содержаться в таких учреждениях максимум в течение 72 часов, кроме того, условия в Севастопольском ИВС могут быть приравнены к жестокому и бесчеловечному обращению».

С. Международные материалы, касающиеся туберкулеза

64. Соответствующие международные отчеты и другие материалы, касающиеся лечения туберкулеза в украинских пенитенциарных учреждениях можно найти в решении от 28 марта 2006 года по делу «Мельник против Украины» (*Melnik v. Ukraine*, № 72286/01, §§ 47-53).

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ

65. Заявитель умер 8 мая 2007 года, пока дело находилось на рассмотрении Суда (см. параграф 5 выше). Не оспаривалось, что его мать вправе поддерживать заявление в его интересах, и Суд не видит причин поступить иначе (см. *Toteva v. Bulgaria*, no. 42027/98, § 45, 19 May 2004).

II. УТВЕРЖДАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

66. Заявитель жаловался на то, что он подвергся жестокому обращению, находясь под стражей милиции. Он также жаловался на отсутствие медицинской помощи и бесчеловечные условия содержания в Севастопольском ИВС. Он ссылаясь на статью 3 Конвенции, которая предусматривает:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Приемлемость

1. Жалобы на жестокое обращение

67. Правительство утверждало, что заявитель не исчерпал национальных средств правовой защиты, поскольку не обжаловал в компетентный суд решение прокуратуры об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении заявленного жестокого обращения.

68. Заявитель подчеркивал, что он поднимал вопрос о жестоком обращении с ним в суде, который рассматривал уголовное обвинение против него. Поскольку суд в решении от 23 ноября 2005 года установил, что не было каких-либо следов жестокого обращения, заявитель не видел смысла в обжаловании соответствующего решения прокуратуры.

69. Суд напоминает, что правило об исчерпании средств правовой защиты, на которое ссылается статья 35 § 1 Конвенции, обязывает заявителей использовать вначале средства правовой защиты, которые доступны в национальной правовой системе и обычно достаточны, чтобы дать им возможность получить возмещение за утверждаемое нарушение. Наличие таких средств правовой защиты должно быть достаточно определенным, как на практике, так и в теории, без чего им будет недоставать доступности и эффективности. Статья 35 § 1 также

требует, чтобы жалобы, которые в последствии будут адресованы Суду, были заявлены в соответствующем национальном органе, по крайней мере, по существу, и в соответствии с формальными требованиями, предусмотренными национальным законодательством, однако не требуется обращаться к средствам правовой защиты, которые являются неадекватными или неэффективными (см. *Aksoy v. Turkey* judgment of 18 December 1996, Reports 1996-VI, §§ 51-52, and *Akdivar and Others v. Turkey* judgment of 16 September 1996, Reports of Judgments and Decisions, 1996-IV, §§ 65-67). Простого сомнения в отношении перспективы успеха недостаточно, чтобы освободить заявителя от необходимости обратиться в национальный суд (см., например, *Elsanova v. Russia* (dec.), no. 57952/00, 15 November 2005).

70. В ходе рассмотрения обвинения против заявителя суд первой инстанции потребовал от соответствующего органа прокуратуры расследовать его утверждения о жестоком обращении. Эти утверждения рассматривались следователями и прокурорам, которые не нашли оснований для возбуждения уголовного дела. В соответствии со статьей 236-1 Уголовно-процессуального кодекса эти решения можно обжаловать в суд общей юрисдикции (см. параграф 47 выше). В таких случаях происходит состязательное рассмотрение, в котором заявитель и прокурор являются сторонами. Хотя в этих процессах суд общей юрисдикции не вправе проводить независимого расследования или делать какие-либо выводы о фактах, судебное рассмотрение жалобы дает преимущества, предоставляя гарантии должной правовой процедуры. В ходе публичной и состязательной процедуры независимый трибунал должен оценить, есть ли у заявителя основания утверждать о жестоком обращении и, если есть, отменить решение прокуратуры и приказать провести уголовное расследование.

71. Следовательно, Суд приходит к выводу, что процедура обжалования, предусмотренная в статье 236-1 УПК, должна, в принципе, считаться обычным и доступным средством национальной правовой защиты, которая удовлетворяет вышеизложенным требованиям средств правовой защиты, которые должны быть исчерпаны в соответствии со статьей 35 § 1 Конвенции (см., *mutatis mutandis*, *K.-F. v. Germany*, решение от 27 ноября 1997 года, Reports of Judgments and Decisions 1997-VII, §§ 46-52; *Epözdemir v. Turkey*, no. 57039/00, 31 January 2002; и *Belevitskiy v. Russia*, no. 72967/01, § 61, 1 марта 2007).

72. Что касается жалобы на жестокое обращение с ним, поданной заявителем в суде, рассматривавшем уголовное обвинение против него, Суд отмечает, что целью рассмотрения уголовного дела против заявителя было установление его невиновности или вины в уголовном обвинении, выдвинутом против него, а не установление ответственности за утверждаемое избиение или предоставление возмещения за утверждаемое нарушение статьи 3 (см. *Belevitskiy*, cited

above, § 63). Таким образом, суд первой инстанции не мог сделать отдельных выводов в отношении того, был ли заявитель подвергнут жестокому обращению, находясь в милиции, и поэтому обратился к органам прокуратуры, компетентным, в соответствии с национальным законодательством, расследовать такие жалобы. Как отмечено выше, заявитель не обратился к судебной процедуре, специально предназначенной для оспаривания результатов последующего расследования. Следовательно, довольно общие жалобы заявителя в суде первой инстанции о жестоком обращении не избавляли его от обязанности исчерпать средство правовой защиты, предусмотренное статьей 236-1 УПК.

73. Суд, следовательно, приходит к выводу, что жалобы заявителя о жестоком обращении со стороны милиции должны быть отклонены ввиду неисчерпания средств правовой защиты в соответствии со статьей 35 § 1 Конвенции.

2. Условия содержания

74. Правительство считает, что заявитель не исчерпал национальные средства правовой защиты, доступные ему в соответствии с украинским законодательством, перед тем, как обратиться в Суд, поскольку он не поднимал вопросов об условиях содержания под стражей перед прокурором, осуществляющим надзор за учреждениями исполнения наказаний. Оно также утверждало, что заявитель не обращался в национальные суды, чтобы оспорить условия его содержания под стражей и получить компенсацию за материальный и нематериальный вред.

75. Что касается возражений Правительства о приемлемости заявления в связи с тем, что заявитель не жаловался соответствующему прокурору на плохие условия содержания под стражей и на отсутствие адекватного и необходимого лечения, Суд приходит к выводу, что эти жалобы не могут считаться эффективным и доступным средством правовой защиты в рамках статьи 35 § 1 Конвенции (см. *Koval v. Ukraine* (dec.), no. 65550/01, 30 March 2004).

76. В отношении ссылки правительства на то, что заявитель не обратился в национальные суды, чтобы оспорить условия его содержания под стражей, Суд напоминает, что в нескольких предыдущих делах он отклонил подобные аргументы, найдя эти средства правовой защиты неэффективными по той причине, что Правительство не доказало то, каким образом обращение к этим процедурам может привести к улучшению в условиях содержания заявителя под стражей (см., например, *Khokhlich v. Ukraine*, no. 41707/98, § 153, 29 April 2003; *Melnik v. Ukraine*, no. 72286/01, §§ 70-71, 28 March 2006; and *Dvoynykh v. Ukraine*, no. 72277/01, § 50, 12 October 2006). Суд не может увидеть причин поступить иначе в данном случае.

77. Более того, Суд отмечает, что не оспаривался тот факт, что 11 сентября 2003 года заявитель жаловался суду первой инстанции на плохое самочувствие, и что 21 апреля 2006 года его мать подала жалобу Генеральному прокурору против нежелания администрации тюрьмы перевести заявителя в больницу, и что администрации изолятора было известно о том, что заявитель заражен ВИЧ и болен туберкулезом. Органы власти, таким образом, были достаточно осведомлены о ситуации заявителя и имели возможность изучить условия его содержания под стражей и, если нужно, их исправить (см. *Kalashnikov v. Russia* (dec.), no. 47095/99, 18 September 2001, и *Melnik*, упомянуты выше, § 70).

78. Суд считает, что эта часть жалоб заявителя не может быть признана неприемлемой ввиду неисчерпания национальных средств правовой защиты. Также жалоба не может быть отклонена как откровенно необоснованная или признана неприемлемой по каким-либо другим причинам.

В. Существо дела

1. Общие принципы

79. Суд напоминает общие принципы, определенные в его практике по статье 3 Конвенции в отношении условий содержания под стражей (см., например, *Dvornukh*, упомянутое выше, §§ 62-63 с дальнейшими ссылками).

80. Суд также напоминает, что органы власти обязаны защищать здоровье лиц, лишенных свободы (см. *Hurtado v. Switzerland*, judgment of 28 January 1994, Series A no. 280-A, opinion of the Commission, § 79). Отсутствие адекватной медицинской помощи может привести к обращению, противоречащему статье 3 (см. *Ilhan v. Turkey* [GC], no. 22277/93, § 87, ECHR 2000-VII, and *Sarban v. Moldova*, no. 3456/05, § 90, 4 October 2005).

2. Материальные условия содержания

81. Суд отмечает, что между 21 июня 2003 года и 28 апреля 2006 года заявитель провел около года в Севастопольском ИВС.

82. В этом деле стороны выразили несогласие относительно количества лиц, содержащихся в камере вместе с заявителем, и числа камер, в которых он содержался в Севастопольском ИВС. Правительство утверждает, что в течение всего рассматриваемого периода заявитель содержался в одной камере размером 16 м², в которой также содержались от 4 до 6 задержанных. Однако оно не указало номер этой камеры. Заявитель утверждал, что он содержался в камерах № № 9, 4 и 5.

Камера № 9 имеет размер около 15 м² и обычно вмещала до 25 задержанных. Камеры № 4 и 5 имеют размер 22 м², и в них содержалось до 30 задержанных.

83. Суд отмечает, что в ходе своего визита в Севастопольский ИВС в 2000 году Комитет против пыток установил, что в камере площадью 15 м² содержится до 10 задержанных. Учитывая письмо начальника городского управления милиции Севастополя от 10 мая 2005 года (см. параграф 24 выше) и недавние внутренние и международные доклады об условиях содержания в Севастопольском ИВС (см. параграфы 54-56 и 62-63 выше), ситуация, кажется, не улучшилась с 2000 года.

84. Таким образом, Суд отмечает, что в камере заявителя на каждого задержанного приходилось не более чем 1,5 м² площади. То есть, по мнению Суда, камеры была постоянно крайне переполнена. Такое состояние дел само по себе может составить проблему с точки зрения статьи 3 Конвенции (см. *Kalashnikov v. Russia*, no. 47095/99, § 97, ECHR 2002-VI).

85. В свете вышеизложенного и учитывая вышеупомянутое письмо от начальника городского управления милиции Севастополя, в котором признается, что в Севастопольском ИВС содержится почти в три раза больше задержанных, чем он может вместить, Суд приходит к выводу, что жалобы заявителя о том, что не хватало спальных мест и задержанные вынуждены были спать по очереди, достаточно обоснованы. Условия для сна были также осложнены постоянным освещением в камере. Лишение сна, происходящее от этого, должно было стать тяжким физическим и психологическим бременем для заявителя.

86. Суд также отмечает, что заявитель утверждал, что его камеры были расположены в подвале, что приводило к недостатку дневного света и недостаточной вентиляции. Хотя Правительство не ответило на этот аргумент прямо, они утверждали, что камера заявителя была оборудована окнами, которые предоставляли достаточно дневного света задержанным, и что в камере была установлена система вентиляции.

87. Суд не считает необходимым разрешать это разногласие между сторонами. Суд отмечает, что в любом случае густые металлические решетки на окнах препятствовали проникновению в камеру естественного света, а искусственное освещение было недостаточным (см. параграф 58 выше). Далее Суд отмечает, что вентиляция в камере, содержащей чрезмерное количество заключенных, была недостаточной (там же). Из заявлений сторон непонятно, были ли позволены заявителю прогулки вне камеры во время пребывания в Севастопольском ИВС, но даже если были, то они длились не более одного часа в день, а все остальное время заявитель был вынужден проводить в скудно освещенной камере с крайне ограниченным пространством и спертый воздухом.

88. Далее заявитель жаловался на плохие санитарные условия и недостаточное питание в Севастопольском ИВС. Суд напоминает, что в своем отчете 2000 года КПП упомянул это учреждение как положительное исключение среди других украинских ИВС Украины, так как камеры там были чистыми и заключенные снабжались основными гигиеническими средствами (см. параграф 58 выше).¹ Что касается жалоб заявителя по поводу питания, Суд считает, что заявитель не смог доказать, что уровень питания не соответствовал нормам или что пища была непригодной.

89. Таким образом, в свете выявленных фактов переполненности, лишения сна и недостатка естественного света и воздуха (см. параграфы 83-87), Суд заключает, что условия содержания заявителя в Севастопольском ИВС может приравниваться к унижающему достоинство обращению. Следовательно, здесь была нарушена статья 3 Конвенции.

3. Медицинская помощь

90. Заявитель жаловался, что ему не оказывалась необходимая медицинская помощь в связи с заражением ВИЧ и туберкулезом.

91. Правительство утверждает, что дважды в апреле 2006 года администрация Севастопольского ИВС вызывала для заявителя скорую помощь и два раза он обследовался в инфекционной больнице. Таким образом, каждый раз, когда заявитель жаловался на ухудшение самочувствия, он получал необходимую медицинскую помощь.

92. Суд отмечает, что, в соответствии с замечаниями Правительства, диагноз ВИЧ был впервые поставлен заявителю 20 апреля 2006 года. Заявитель в своих комментариях настаивал, что это произошло 21 февраля 2006 года он предоставил Суду копию письма начальника Севастопольского управления милиции от 25 февраля 2006 года, подтверждающую его позицию. Правительство никак не прокомментировало этот момент.

93. При таких обстоятельствах Суд не видит причин не доверять заявителю. Следовательно, Суд отмечает, что, хотя администрация учреждения узнала о ВИЧ-позитивности заявителя 21 февраля 2006 года, неотложные медицинские меры, предусмотренные приказом № 186/607 (см. параграф 49 выше), не были приняты. Заявитель не был направлен к врачу-инфекционисту для антиретровирусного лечения, и, среди прочего, не осуществлялся контроль над сопутствующими инфекциями. Вместо этого, его продолжали направлять в Севастопольский ИВС, в штате которого не было врача.

94. Нет указаний, что Симферопольский СИЗО передал информацию о ВИЧ-инфицированности заявителя администрации

¹ Здесь явная ошибка, поскольку в докладе КПП речь идет о Симферопольском ИВС (прим. редактора).

Севастопольского ИВС. В любом случае, заявитель был зарегистрирован в местном центре по борьбе со СПИДом только в мае 2006 года, хотя приказ № 186/607 предусматривает, что это должно быть сделано сразу после прибытия в учреждение.

95. Кроме того, когда заявитель заболел туберкулезом, что в данном случае было сопутствующим заболеванием, его отказались принять в Симферопольский СИЗО, и в нарушение национального законодательства он был оставлен в Севастопольском ИВС на период, превышающий 10 дней (см. параграфы 21 и 53-54 выше).

96. Правительство заявило, что отсутствие врача или фельдшера в штате Севастопольского ИВС компенсировалось возможностью вызова скорой помощи каждый раз, когда состояние здоровья заявителя требовало медицинского вмешательства. Это делалось 8 и 12 апреля 2006 года.

97. Суд напоминает в этой связи, что для вызова скорой помощи администрация Севастопольского ИВС должна была вначале дать на это разрешение, что было трудной задачей без профессионального медицинского совета (см. *Sarban*, упомянутое выше, § 87). Более того, оборудование в машине скорой помощи, которая была вызвана для заявителя 8 апреля 2006 года было явно непригодным для постановки точного диагноза, и врач предложил отправить пациента в специализированную больницу для дальнейшего обследования (см. параграф 37 выше). Однако администрация отказалась сделать это. Так как самочувствие заявителя продолжало ухудшаться, 12 апреля 2006 года была еще раз вызвана скорая помощь. Она также оказалась неспособной поставить диагноз и помочь заявителю (см. параграф 38 выше). Только после этого, 14 апреля 2006 года, администрация решила отправить заявителя в инфекционную больницу для обследования и лечения (см. параграф 39 выше).

98. Стороны не пришли к согласию, рекомендовали ли госпитализацию врачи, обследовавшие заявителя в инфекционной больнице 14 апреля 2006 года. Ни заявитель, ни Правительство не предоставили документов, касающихся этого обследования. Поэтому Суд не может установить обстоятельства этого события с достаточной достоверностью. Однако он отмечает, что Правительство, указав, что 14 апреля 2006 года врачи назначили заявителю определенное лечение, не доказали, что такое лечение действительно предоставлялось ему администрацией Севастопольского ИВС.

99. Во второй раз заявитель обследовался в инфекционной больнице 20 апреля 2006 года. Учитывая письмо главного врача этой больницы от 21 апреля 2006 года, Суд не может принять точку зрения Правительства относительно того, что врачи, которые проводили обследование заявителя в этот раз, не рекомендовали его госпитализацию (см. параграф 41 выше). 21 апреля 2006 года врачебная комиссия инфекционной больницы подтвердила

необходимость стационарного лечения заявителя в специализированном медицинском учреждении. Заявитель был переведен в Севастопольский противотуберкулезный диспансер только 28 апреля 2006 года, после запроса Суда, сделанного в соответствии с правилом 39 Регламента Суда. Заявитель утверждал, что эта задержка была вызвана нежеланием руководства Севастопольского ИВС выделить четырех сотрудников для его охраны в больнице. Правительство не дало никаких пояснений на этот счет.

100. Хотя в обоих случаях, 20 и 21 апреля 2006 года, врачи инфекционной больницы назначали заявителю противотуберкулезное лечение, нет указаний, что он обеспечивался этим лечением в Севастопольском ИВС.

101. По мнению Суда, неоказание своевременной и надлежащей медицинской помощи заявителю в связи с его заражением ВИЧ и туберкулезом приравнивается к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в смысле статьи 3 Конвенции.

102. Следовательно, в этом случае также было нарушение статьи 3 Конвенции.

4. Условия транспортировки между Симферопольским СИЗО и Севастопольским ИВС

103. Заявитель жаловался на то, что условия транспортировки между Симферопольским СИЗО и Севастопольским ИВС были бесчеловечными и унижительными. Пассажирские отделения машин и железнодорожных вагонов были сильно переполнены и были лишены естественного освещения и поступления воздуха. Ему не давали еды и питьевой воды в течение всей поездки, и общим результатом этих условий было психическое и физическое истощение.

104. Правительство настаивает, что условия перевозки соответствовали национальным стандартам и не являлись бесчеловечным или унижающим достоинство обращением.

105. Суд повторяет, что заявления о жестоком обращении должно подкрепляться соответствующими доказательствами. При оценке доказательств Суд применяет стандарт убеждения «вне разумного сомнения». Однако такое убеждение может следовать из совокупности достаточно сильных, ясных и согласованных выводов или из не опровергнутой фактической презумпции (см. *Salman v. Turkey* [GC], по. 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII).

106. Суд отмечает, что отчет Правительства об условиях транспортировки из одного учреждения в другое были замечательно краткими. Суд повторяет, что рассмотрение дел, связанных с Конвенцией, таких как настоящее дело, не во всех случаях подразумевает строгое применение принципа *affirmanti incumbit probatio* (лицо, утверждающее что-либо, должно доказать это

утверждение), поскольку в некоторых случаях только Правительство имеет доступ к информации, с помощью которой можно подтвердить или опровергнуть утверждение. Непредоставление Правительством такой информации без убедительных объяснений может повлечь за собой вывод о достаточной обоснованности утверждений заявителя (см. *Ahmet Özkan and Others v. Turkey*, no. 21689/93, § 426, 6 April 2004).

107. В рассматриваемом деле заявитель был неспособен указать точные габариты кузова тюремных автомобилей или получить справки о степени их заполнения. Однако Правительство могло легко предоставить сведения в поддержку своих утверждений, но не сделало этого и не дало объяснений непредоставлению этой информации. Фактически, Правительство ограничилось утверждениями, что условия соответствовали нормам, и что время поездки было в три раза меньше, чем это следовало из утверждений заявителя. Копии норм и положения о тюремных автомобилях не были представлены. В этих условиях Суд будет изучать по существу заявление на основании утверждений заявителя, поскольку они подтверждаются вышеупомянутыми наблюдениями КПП.

108. Что касается транспортировки заключенных, КПП считает отсеки площадью 0,4, 0,5 или даже 0,8 м² непригодными для перевозки людей, независимо от длительности поездки (см. CPT/Inf (2004) 36 [Azerbaijan], § 152; CPT/Inf (2004) 12 [Luxembourg], § 19; CPT/Inf (2002) 23 [Ukraine], § 129; CPT/Inf (2001) 22 [Lithuania], § 118; and CPT/Inf (98) 13 [Poland], § 68). В рассматриваемом деле заявитель утверждал, что в тюремных автомобилях площадью 6 м² обычно перевозили 30 заключенных. Правительство заявило, что количество заключенных в машине никогда не превышало 20-21 человек, но не указало размер отсеков, в которых заявитель находился во время поездок. Таким образом, даже при благоприятном для Правительства выводе, что на каждого заключенного в машине приходилось 0,3 м², это все равно явно меньше уровня, предусмотренного стандартами КПП.

109. Далее Суд замечает, что утверждение заявителя о том, что автомобили были слабо освещены и имели недостаточную вентиляцию, подтверждаются наблюдениями КПП, который в 2000 году осматривал автомобили, принадлежащие Симферопольскому СИЗО (см. параграф 60 выше).

110. Что касается железнодорожного транспорта, Суд отмечает, что стороны не сошлись во мнениях относительно количества заключенных, которые обычно перевозились в специально оборудованных вагонах. Суд считает, что, в то время как, согласно национальному законодательству, во время краткосрочных железнодорожных поездок на одного заключенного положено пространство в 0,3 м² (см. параграф 60 выше), кажется, что в вагоне,

рассчитанном на 104 человека, находилось 70 заключенных, что составляет в результате 0,4 м², а этого, как говорилось выше (см. параграф 108), недостаточно для транспортировки людей на любые расстояния.

111. Далее Суд принимает во внимание наблюдения КПП, что вентиляция в вагонах была недостаточной, еда не предоставлялась, а запасы воды были малы.

112. Суд замечает, что заявитель был вынужден находиться в таких условиях дважды в месяц на пути в Севастопольский ИВС и обратно в течение двух лет и восьми месяцев, проделав, таким образом, около 64 таких поездок.

113. Суд считает, что обращение, которому подвергался заявитель во время этих многочисленных перевозок между Севастопольским ИВС и Симферопольским СИЗО, превысило минимальный уровень жестокости (см. *Khudoyorov v. Russia*, по. 6847/02, §§ 116-120, ECHR 2005-... (выдержки)), и что статья 3 Конвенции была нарушена.

III. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 3 КОНВЕНЦИИ

114. Далее заявитель жаловался на то, что общая продолжительность его заключения не была «оправданной» и «обоснованной». Он ссылаясь на статью 5 § 3 Конвенции, которая предусматривает:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом "с" пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

115. Правительство заявило, что заявитель не уложился в шестимесячный срок, предусмотренный статьей 35 § 1 Конвенции. Правительство подчеркнуло, что в первоначальном заявлении заявителя от 26 апреля 2006 года не было никаких жалоб, связанных со статьей 5 § 3. Заявитель подал такую жалобу в Суд только 24 июня 2006 года, тогда как шестимесячный срок начал течь 23 ноября 2005 года, когда заявитель был осужден районным судом.

116. Заявитель возражал против этих доводов, утверждая, что, хотя он действительно не подавал отдельной жалобы по статье 5 § 3 в первоначальном заявлении от 26 апреля 2006 года, он ссылаясь в нем на факты, связанные с последующей жалобой на необоснованную длительность предварительного заключения, такие, как дата его ареста.

117. Суд повторяет, что, согласно статье 35 § 1 Конвенции, Суд может рассматривать дело только «в течение шести месяцев с даты вынесения национальными органами окончательного решения по

делу». Течение этого шестимесячного срока прерывается, как правило, первым письмом заявителя, обозначающим желание подать заявление и дающим некоторое представление о характере жалоб. Что касается жалоб, не включенных в первоначальное сообщение, течение шестимесячного срока не прерывается до дня первой подачи заявления в Суд (см. *Božinovski v. the former Yugoslav Republic of Macedonia* (dec.), no. 68368/01, 1 февраля 2005).

118. Стороны согласились, что шестимесячный срок в отношении жалобы заявителя по статье 5 § 3 начал течь 23 ноября 2005 года, когда заявитель был осужден районным судом за кражу и приговорен к трем годам и семи месяцам заключения. Жалоба о длительности предварительного заключения заявителя была упомянута только в заявлении, датированном 24 июня 2006 года. Хотя более раннее заявление было подано заявителем 26 апреля 2006 года, оно не содержало никаких жалоб по статье 5 Конвенции. Суд не убежден, что ссылка на дату ареста заявителя, сделанная в контексте его жалобы на плохие медицинские условия в заключении, может рассматриваться как намерение подать впоследствии жалобу по статье 5 § 3. Для внесения жалобы и прерывания шестимесячного срока требуются некоторые указания на характер заявленного нарушения.

119. Следовательно, эта часть заявления неприемлема на основании правила о шестимесячном сроке, предусмотренного статьей 35 § 1 Конвенции, и должна быть отклонена в соответствии со статьей 35 § 4.

IV. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 § 3 КОНВЕНЦИИ

120. Заявитель также подал жалобу по статье 6 § 3(с) Конвенции, что во время уголовного производства ему не была предоставлена бесплатная юридическая помощь.

121. Суд замечает, что заявитель не подал кассационную жалобу в Верховный Суд в отношении своего осуждения за кражу. Кроме того, он не поднял этот вопрос в своей апелляции в отношении своего осуждения 23 ноября 2005 года.

122. Следовательно, эта часть заявления должна быть отклонена на основании статьи 35 §§ 1 и 4 Конвенции в связи с неисчерпанием национальных средств правовой защиты.

V. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

123. Заявитель утверждал, что он не имел в своем распоряжении эффективных национальных средств правовой защиты в отношении жалоб по статье 3, как этого требует статья 13 Конвенции. Данная статья предусматривает:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

124. Правительство не предоставило каких-либо аргументов по поводу этой жалобы.

125. Суд подчеркивает, что статья 13 Конвенции гарантирует доступность на национальном уровне средств правовой защиты для осуществления прав и свобод, предусмотренных Конвенцией, независимо от формы, в которой они обеспечиваются национальным законодательством. Таким образом, по сути статья 13 требует, чтобы существовали национальные средства правовой защиты, способные рассмотреть «небезосновательное утверждение» в соответствии с Конвенцией и предоставить соответствующее возмещение (см. *Kudła v. Poland* [GC], no. 30210/96, § 157, ECHR 2000-XI).

126. Круг обязательств, определяемых статьей 13, варьируется в зависимости от характера жалоб заявителя, связанных с Конвенцией. Тем не менее, средства, предусмотренные статьей 13, должны быть эффективными на практике.

127. Принимая во внимание свои предыдущие выводы об исчерпании национальных средств правовой (параграфы 75-78 выше), а также прецеденты Суда по этому поводу (см. *Melnik*, упомянутое выше, § 115, и *Dvoynukh*, упомянутое выше, § 72), Суд находит, что не существовало эффективного и доступного средства в отношении жалоб заявителя на условия его содержания в заключении. Таким образом, была нарушена статья 13 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

128. Статья 41 предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Вред

129. В части материального вреда заявитель потребовал 2 958,16 гривен (434 евро) возмещения медицинских расходов, понесенных во время его стационарного лечения в Севастопольском туберкулезном диспансере и предоставил документы в поддержку этого требования. Далее, он заявил о возмещении в размере 42 000 гривен (6 163 евро) за

продуктовые передачи, которые он получал во время пребывания в Севастопольском ИВС.

130. Заявитель также потребовал 50 000 евро возмещения нематериального вреда.

131. Правительство заявило, что, поскольку права заявителя, предусмотренные статьей 3 Конвенции, не были нарушены, государство не должно отвечать за его медицинские расходы. Что касается продуктовых передач, Правительство заявило, что размер заявленной компенсации не был подтвержден никакими доказательствами.

132. В первую очередь, Суд подчеркивает, что не было выявлено нарушений статьи 3 Конвенции по поводу питания, предоставлявшегося заявителю в Севастопольском ИВС. Соответственно, расходы на продуктовые посылки компенсации не подлежат.

133. Далее Суд отмечает, что Правительство не оспаривало размер медицинских расходов заявителя. Учитывая вышеупомянутые заключения о неудовлетворительности медицинской помощи, предоставлявшейся заявителю в Севастопольском ИВС, медицинские расходы должны быть компенсированы заявителю в полном объеме.

134. Что касается нематериального вреда, Суд напоминает о своих выводах, приведенных выше, о нарушении в данном деле статей 3 и 13 Конвенции (см. параграфы 89, 101-102, 113 и 127 выше). Принимая во внимание судебную практику в аналогичных случаях, Суд принимает справедливое решение присудить заявителю компенсацию в размере 10 000 евро (см. *Melnik*, упомянутое выше, § 121).

В. Расходы и издержки

135. Заявитель потребовал 31 188,64 гривен (4 577 евро) компенсации транспортных расходов его представителя, понесенных во время уголовного преследования заявителя. Он также заявил о компенсации 155.90 гривен (23 евро) почтовых расходов, понесенных им во время процедуры, связанной с Конвенцией, и предоставил подтверждающие чеки.

136. Правительство оспорило это требование.

137. Суд отмечает, что заявитель не предоставил никаких доказательств транспортных расходов своего юриста (защитника). Следовательно, Суд присуждает заявителю компенсацию почтовых расходов в размере 23 евро.

С. Пеня

138. Суд считает уместным, чтобы пеня основывалась на предельной кредитной ставке Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

НА ОСНОВАНИИ ЭТОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобы заявителя по статьям 3 и 13 Конвенции приемлемыми, а остальную часть заявления неприемлемой;
2. *Постановляет*, что была нарушена статья 3 Конвенции в части материальных условий содержания заявителя в Севастопольском ИВС;
3. *Постановляет*, что была нарушена статья 3 Конвенции в части непредоставления должностными лицами своевременной и соответствующей медицинской помощи заявителю в связи с ВИЧ и туберкулезом;
4. *Постановляет*, что была нарушена статья 3 Конвенции в части обращения, которому подвергался заявитель во время его неоднократных транспортировок между Севастопольским ИВС и Симферопольским СИЗО;
5. *Постановляет*, что была нарушена статья 13 Конвенции;
6. *Постановляет*:
 - (a) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев после даты, когда данное решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, эквивалент следующих сумм в национальной валюте государства-ответчика по курсу, действительному на день выплаты:
 - (i) 434 (четыреста тридцать четыре) евро в возмещение материального вреда;
 - (ii) 10000 (десять тысяч) евро в возмещение нематериального вреда;
 - (iii) 23 (двадцать три) евро в возмещение расходов и издержек;
 - (iv) любые налоги, которыми могут облагаться эти суммы;
 - (b) что по истечении вышеупомянутых трех месяцев и до полной выплаты на упомянутые суммы будет начисляться пеня в размере предельной кредитной ставки Европейского центрального банка в

течение периода неуплаты с добавлением трех процентных пунктов;

7. *Отклоняет* остальные требования заявителя о справедливом возмещении.

Составлено на английском языке и объявлено письменно 25 октября 2007 года в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Claudia WESTERDIEK Peer LORENZEN
Секретарь Председатель